

Заслуги Македонской династии в области законодательства и литературы ¹⁾.

Въ содержаніе понятія заслуги входятъ два главныхъ признака: своевременность выполненія какого-либо дѣйствія, въ которомъ настойтъ неотложная нужда, и умѣнье найти такія средства для этого вынолненія, чтобы дѣйствіе достигало своей цѣли совершеннѣйшимъ образомъ. Отсюда для оцѣнки каждой заслуги необходимо во-первыхъ знать обстановку, при которой она совершена, и во-вторыхъ—имѣть представленіе о тѣхъ лицахъ, которыя ее совершили. Поэтому и въ нашемъ случаѣ—для надлежащаго сужденія о заслугахъ Македонской династии въ области законодательства и литературы—необходимо 1) навести въ прошломъ справки о томъ, почему именно цари этой династии должны были думать о законахъ и книгахъ, и 2) показать, какія личныя качества сдѣлали ихъ законодателями и покровителями просвѣщенія.—Начнемъ съ историческихъ справокъ.

До сихъ поръ существовалъ въ исторической наукѣ взглядъ,—да и теперь еще онъ далеко не всѣми покинуть,—что церковно-общественное движеніе, начавшееся въ Византіи въ первой четверти восьмаго вѣка и продолжавшееся

¹⁾ Пособія: К. Παπαρρηγοπουλιον *Ἱστορία τοῦ ἑλληνικοῦ ἔθνος. ἐν Ἀθήναις* 1887 Т. 3—4. Hertzberg. *Geschichte der Byzantiner und des Osmanischen Reiches bis gegen Ende des sechszenden Jahrhunderts.* Berlin. 1783. A. Rambaud. *L'empire grec au dixième siècle Constantin Porphyrogénète.* Paris 1870. Поповъ Н. Императоръ Левъ VI Мудрый и его царствованіе въ церк. ист. отношеніи А. Зернинъ. Жизнь и литературные труды императора Константина Вагрянороднаго. Харьковъ. 1858. Lebeau. *Histoire du Bas-Empire.* t. 13—14. Paris. 1832. Mortreuil. *Histoire du droit byzantin.* t. 2. Paris 1844. Zachariae. *Ἡ πρόχειρος νόμος.* Heidelbergae 1837. Heimbachi Basilici. t. 6. Lipsiae 1870. Азаревичъ. *Исторія византійскаго права.*

почти полтора столѣтія, — движеніе, извѣстное подь сбивчивымъ и неточнымъ названіемъ иконоборчества, оказало гибельное вліяніе на положеніе образованія и литературы въ средѣ средневѣковаго эллинизма. Далекое не въ однихъ учебникахъ государи Исаврійской и другихъ династій, взявшіеся за дѣло реформы, представлялись дикими гасителями просвѣщенія. Про одного изъ нихъ и теперь еще вѣрятъ разсказу, что онъ сжегъ въ Константинополѣ громадную публичную бібліотеку вмѣстѣ съ учеными, представлявшими собою нѣчто въ родѣ академіи наукъ. Только съ самаго недавняго времени подобные разсказы стали встрѣчаться нѣкоторыми учеными съ сомнѣніемъ и критикою. Эти спасительныя орудія дали возможность очистить значительную часть источниковъ для исторіи иконоборчества отъ вымысловъ и преувеличеній. Результаты такой чистки были неожиданны и удивительны. Эпоха, считавшаяся эпохою мрака и варварства, стала мало по малу выступать въ своемъ истинномъ свѣтѣ, какъ время пробужденія и необыкновеннаго оживленія мысли, неповторявшееся потомъ уже никогда въ византійской исторіи. Чѣмъ же былъ вызванъ этотъ духовный подъемъ средневѣковаго эллинизма? Исключительными, тяжелыми условіями его политическаго существованія.

Начиная съ 7-го и особенно съ 8-го вѣка для имперіи настаютъ трудныя времена. Съ востока арабы, съ сѣвера болгары и другіе варвары, какъ въ тискахъ, пачинаютъ жать Византію. Чтобы приспособиться къ новымъ тяжелымъ условіямъ, ей необходимо было напрягать всѣ свои силы, пристраиваться внутри въ видахъ болѣе плодотворной и равномерной траты народнаго труда и имущества на борьбу съ страшными врагами. Отсюда рядъ реформъ, начатыхъ Исаврійскою династією, охватывавшихъ всѣ наиболѣе нуждавшіяся въ поправкахъ области государственной жизни и народнаго хозяйства: новое законодательство, отмѣна крѣпостнаго права, перестройка областнаго управленія, цѣлый рядъ мѣропріятій финансовыхъ и пр. Къ несчастію въ программу этихъ преобразованій былъ вставленъ одинъ пунктъ, осуществленіе котораго въ концѣ концовъ привело почти къ полному крушенію большинства замысловъ Исаврійской династіи. Разумѣемъ борьбу съ иконопочитаніемъ. Въ этой

области также накопилось много злоупотреблений, воевать съ которыми было необходимо. Къ сожалѣнiю эта война, заходившая, какъ и всякая война, дальше, чѣмъ нужно было для ея цѣли, оскорбила религіозное чувство народа и по ассоціаціи вызвала въ немъ отрицательное отношеніе и къ тѣмъ реформамъ, которыя не имѣли ничего общаго съ иконоборчествомъ, кромѣ одновременнаго проведенія ихъ въ жизнь. Такое отношеніе большей части византійскаго общества къ иконоборчеству имѣло и еще одно важное послѣдствіе. Такъ какъ выполненіе программы реформъ встрѣтило противодѣйствіе только въ одномъ пунктѣ—въ пунктѣ объ иконахъ, то весьма естественно, что и правительство главную свою энергію тратило на осуществленіе именно этого пункта, мало по малу забывая о другихъ. Если въ программѣ перваго императора—реформатора Льва Исавра вопросъ объ иконахъ занимаетъ невидное мѣсто, то для послѣдняго императора этого періода—Теофила вся суть реформы сводится къ борьбѣ съ иконами.

Въ противоположномъ отношеніи къ иконамъ императоровъ и правительственной партіи съ одной стороны и большей части свѣтскаго и церковнаго общества съ другой—и кроется главное объясненіе того духовнаго подъема и оживленія, которые замѣчаются въ эпоху иконоборчества. Зотрунутое въ своихъ вѣковыхъ вѣрованіяхъ, общество естественно начинаетъ искать для нихъ опоры и оправданія. По самому существу дѣла такое оправданіе въ данномъ случаѣ можно было находить только въ книгѣ, за которую общество и берется съ усердіемъ, не проявлявшимся раниѣе. Достаточно припомнить нѣсколько фактовъ, чтобы понять, почему у многихъ въ то время явилось желаніе учиться, котораго прежде могло и не быть. Со времени императора Льва Исавра въ обществѣ идетъ правительственная пропаганда иконоборчества, которая многихъ приводитъ въ раздумье. Въ 754 г. составляется въ Константинополѣ громадный соборъ изъ епископовъ имперіи, которые единогласно предають иконы анаѳемѣ. Въ 787 г. другой соборъ такихъ же епископовъ предаеть анаѳемѣ иконоборцевъ. Въ 815 г. епископы опять анаѳематствуютъ иконы. И только въ 842 г. православіе торжествуетъ окончательно. Такая быстрая и рѣшительная перемѣна взглядовъ высшимъ

духовенствомъ имперіи естественно сбивала съ толку всѣхъ и cadaго. Всякій, кто хотѣлъ быть твердымъ въ своемъ положительномъ или отрицательномъ отношеніи къ иконопочитанію, лишавшись внѣшняго критерія для опредѣленія истины, естественно долженъ былъ приходиться къ сознанию необходимости вѣрить только своимъ глазамъ, а не чужимъ рѣчамъ, т. е. къ сознанию необходимости братья за книгу, чтобы самому читать мѣста изъ твореній св. отцевъ pro contra иконопочитанія. И такая потребность чтенія охватила тогда очень значительные слои населенія. Это ясно уже a priori изъ характера тогдашняго движенія. Иконоборчество отличалось отъ всѣхъ ересей тѣмъ, что оно волновало не кружки только ученыхъ богослововъ, а затрогивало вопросы, ясные и доступные какъ образованнымъ, такъ и самымъ простымъ людямъ. Для подтвержденія этой мысли достаточно указать на то, что подъ знаменемъ защиты иконъ вспыхнуло нѣсколько народныхъ возстаній, доставившихъ не мало хлопотъ иконоборческому правительству.

Увеличеніе желающихъ читать публики естественно вызвало увеличеніе желающихъ писать; равно какъ и наоборотъ: оживленіе литературной полемики и вообще духовной письменности развивало и создавало вкусъ къ чтенію. Въ 6-мъ и 7-мъ вѣкахъ мы почти не видимъ въ Византіи сколько-нибудь выдающихся авторовъ; иконоборчество вызвало ихъ цѣлый рядъ. Достаточно назвать имена патріарховъ Германа и Никифора, Θεодора Студита, лѣтописцевъ Георгія Синкела, Теофана и др. Самъ знаменитый Фотій выросъ и воспитался въ атмосферѣ литературнаго оживленія, созданной иконоборческимъ броженіемъ. Не говоримъ уже о массѣ мелкихъ литературныхъ явленій этого времени, напр. о житіяхъ святыхъ и пр. Все это усердно читалось и переписывалось. Въ исторіи и въ жизни мы часто видимъ, какъ средства превращаются въ цѣль. Такъ было и въ данномъ случаѣ. Сначала необходимость читать подсказывалась обществу чисто практическими соображеніями, но потомъ она могла легко обратиться въ привычку. Иконоборчество послѣ 842 г. пало, а привычка читать осталась надолго.

Только при свѣтѣ изложенныхъ соображеній становится понятнымъ то обширное литературное движеніе, съ кото-

рымъ мы встрѣчаемся въ эпоху правленія Македонской династїи. Силѣ этого движенія, помимо указанныхъ, могло содѣйствовать и еще одно обстоятельство. Какъ сказано, византійское общество въ иконоборческой періодъ приобрѣло привычку къ чтенію. Во время борьбы эта привычка естественно удовлетворялась произведеніями, имѣвшими интересъ текущей минуты,—литературной полемикой съ иконоборчествомъ и иконопочитаніемъ, житіями лицъ, пострадавшихъ отъ иконоборцевъ, и пр. Съ 842 г., со времени окончательнаго торжества православія, эта литература, разрабатывавшая темы дня, естественно должна была мало по малу терять интересъ для читающей публики. Такъ возникла пужда въ литературѣ, которая была бы интересна сама по себѣ, безъ отношенія къ волнующимъ вопросамъ дня.—Прежде, чѣмъ обращаться къ обзору и оцѣнкѣ этой литературы, возвратимся еще разъ назадъ и наведемъ еще одну необходимую справку.

Какъ уже сказано ранѣе, съ разсматриваемой эпохой связано представленіе не только какъ о періодѣ оживленія литературной дѣятельности, но и какъ о времени замѣчательныхъ законодательныхъ работъ. Эти послѣднія, конечно, стоятъ въ извѣстной связи съ первой, но не—въ связи органической. Интересъ къ чтенію вообще не заключаетъ въ себѣ непременно интереса къ законодательнымъ работамъ. Послѣднія вызываются нуждами, неимѣющими почти ничего общаго съ запросами любознательности. Каковы же были эти нужды и какъ онѣ создались ко времени законодательной дѣятельности Македонской династїи?

Источникомъ дѣйствующаго права до второй половины 9-го вѣка были законодательные сборники Юстиніана, пополненные небольшимъ количествомъ новеллъ послѣдующихъ императоровъ. Болѣе чѣмъ трехъ-вѣковое существованіе законодательства, неподвергавшагося ни разу коренному пересмотру и измѣненіямъ, весьма естественно заставило его во многомъ отстать отъ жизни. Въ эти три вѣка родились въ обществѣ новыя явленія, сложились многія новыя отношенія, которые нужно было втискивать въ старыя отжившія законодательныя формулы. Это обстоятельство при однихъ случаяхъ стѣсняло легкій и свободный ходъ государственнаго механизма, а болшую частію, конечно, вело

къ тому, что новыя явленія сбрасывали съ себя ковы отжившей регламентаціи и развивались подъ дѣйствіемъ обычнаго права. Помимо указанныхъ причинъ быстрому извѣщанію законодательныхъ сборниковъ Юстиніана содѣйствовали и многія другія обстоятельства. Какъ ни великъ былъ трудъ, предпринятый этимъ императоромъ, но онъ не могъ не заключать въ себѣ существенныхъ пробѣловъ. Громадная масса матеріаловъ въ видѣ разныхъ указовъ, повелѣй и комментаріевъ къ нимъ, принадлежавшихъ разнымъ лицамъ, разнымъ эпохамъ, разнымъ территоріямъ, отразившихъ въ себѣ черты міровоззрѣній разныхъ временъ, — не могла не подавить законодателя. Для обработки этого матеріала имъ сдѣлано было много, чрезвычайно много, но не все. Многія противорѣчія, недомолвки, неясности изъ матеріала перешли и въ его обработку. Къ тому же, какъ извѣстно, языкомъ Юстиніанова законодательства былъ языкъ латинскій, который плохо знали на Востокѣ. Хорошіе же переводы и вообще трудны, а въ отношеніи къ юридической литературѣ въ особенности. Это обстоятельство весьма естественно вызвало явленіе еще при самомъ Юстиніанѣ и вскорѣ послѣ его смерти цѣлой массы комментаріевъ, которые скоро почти вытѣснили изъ употребленія оффиціальныя сборники. Само собою понятно, что комментаріи, какъ толкованія различныхъ лицъ съ различными взглядами, могли излагать многія правовыя положенія неодинаковымъ образомъ. Если теперь къ противорѣчіямъ и недомолвкамъ подлинныхъ законовъ прибавить противорѣчія комментаріевъ, то легко будетъ представить, что положеніе византійскаго судьи, а тѣмъ болѣе подсудимаго 7—8 вв. было не изъ удобныхъ.

Далѣе. Къ 9-му вѣку комментаріи перестали удовлетворять своему назначенію даже въ качествѣ популяризаціи оффиціальныхъ кодексовъ. Появившись болшею частію въ 6-мъ вѣкѣ, когда знаніе латинскаго языка въ имперіи не было еще въ полномъ упадкѣ, комментаріи содержали въ себѣ многіе латинскіе термины и выраженія, которые къ 9-му вѣку перестали совершенно быть понятными для грековъ.

Накопецъ, одно чисто внѣшнее и, повидимому, незначительное обстоятельство мѣшало долгому употребленію Юстиніа-

новыхъ сборниковъ: это разбросанность законодательнаго матеріала по четыремъ сводамъ. Эти своды во многомъ повторяли другъ друга и безъ нужды увеличивали трудъ ихъ переписки и пріобрѣтенія судебными мѣстами имперіи и частными лицами.

Нужда въ новыхъ законодательныхъ работахъ уже къ 8-му вѣку была такъ велика, что за нихъ взялись первые государи Исаврійской династіи. Извѣстна ихъ *Ἐκλογία τῶν νόμων*—общедоступный сборникъ законовъ съ большими замѣчаниями изъ обычнаго права провинціального греко-славянскаго населенія. Но уже изъ сказаннаго выше легко видѣть, что Эклога, хотя она и отвѣчала насущнымъ нуждамъ дѣйствительности, должна была испытать на себѣ ту ненависть, которая накопилась у православнаго общества противъ всѣхъ плановъ иконоборческихъ императоровъ. Императоръ Василій Македонянинъ, хотя въ своей законодательной дѣятельности и пошелъ отчасти по пути, проложенному Исаврійцами, не хотѣлъ однако, чтобы его заподозрили въ этомъ, и при одномъ случаѣ бранить Эклогу, называетъ ее „песообразностями, изданными въ противность божественнымъ догматамъ и на разрушеніе спасительныхъ законовъ“. Эклога так. обр. была отмѣнена официально, хотя, благодаря указаннымъ своимъ достоинствамъ, она продолжала нормировать жизнь, ибо послѣдней нѣтъ дѣла до партійныхъ страстей и антипатій.

Представленная справка дастъ видѣть, что неотложная нужда въ пересмотрѣ законодательныхъ сборниковъ подошла какъ разъ къ порогу правленія Македонской династіи. Нужда ощущалась, конечно, и гораздо ранѣе, но тогда она удовлетворялась Эклогой. Съ побѣдой православія надъ иконоборчествомъ послѣднюю осудили и тѣмъ обязывались се замѣнить.

Итакъ, Македонская династія при своемъ вступленіи на престоль должна была считаться съ двумя запросами византійскаго общества: съ нуждою въ сносныхъ законахъ и съ требованіями проснувшейся любознательности. Первый запросъ былъ, конечно гораздо серьезнѣе и важнѣе второго: жить безъ книги еще можно, хотя и скучно, а жить съ плохими законами очень трудно. Естественно поэтому, что работы для удовлетворенія перваго начались скорѣе, чѣмъ работы для удовлетворенія второго.

Представленіе о законодательныхъ трудахъ 9-го вѣка связано съ именами двухъ государей Македонскаго дома—Василія I-го и Льва VI-го Философа, особенно съ именемъ перваго. Если мы станемъ искать объясненія грандіозной законодательной работы разсматриваемаго времени въ личныхъ качествахъ и достоинствахъ этихъ царей, то найдемъ очень темнаго. Василій, по видимому, не обѣщаль изъ себя опытнаго юриста. Въ 813-мъ году однолѣтнимъ ребенкомъ онъ былъ взятъ вмѣстѣ съ родителями въ плѣнъ болгарами. Въ 837-мъ году онъ вернулся въ Константинополь искать счастья, ничего не имѣя, кромѣ красиваго тѣла и сноровки обращаться съ лошадьми. Эта способность управлять лошадьми собственно и доставила Василію потомъ возможность управлять людьми. Поступивъ въ конюшіе къ одному изъ придворныхъ, Василій затѣмъ перешелъ на такую же службу къ императору Михаилу III-му, замѣчательному въ исторіи почти только своею страстью къ лошадямъ. Играя на этой страсти царя, Василій въ 865 г. добился званія паракимомена—царскаго спальничаго, кажется, самой важной должности того времени въ глазахъ византійцевъ и, дѣйствительно, очень вліятельной. Этой должности всѣми силами добиваясь соправитель Михаила кесарь Варда для одного изъ своихъ друзей и, проигравъ дѣло, говорятъ, сказалъ: „я выгналъ лисицу (разумѣется спальничій — предмѣстникъ Василія) и ввелъ льва, который всѣхъ насъ разорветъ и проглотитъ“. Если Варда сказалъ это дѣйствительно, то онъ обладалъ даромъ предвѣдѣнія. Въ 865-мъ году Василій развелся съ своею женой и вступилъ въ бракъ съ фавориткой Михаила Евдокіей, оставивъ ее въ распоряженіи императора, который послѣ этого сталъ игрушкой въ рукахъ своего паракимомена. Въ мартѣ 866-го года Варда сложилъ свою честолюбивую голову по проискамъ царскаго спальничаго, въ маѣ того же года занявшаго его мѣсто кесаря. Фактически Василій уже въ это время былъ единственнымъ правителемъ. Михаилъ занимался бездѣльемъ и только мѣшалъ ему. Василій не замедлилъ устранить своего благодѣтеля съ дороги и осенью 867 сдѣлался единодержавнымъ и основателемъ новой замѣчательной династіи. — Какъ видно, путь, пройденный Василіемъ до трона, былъ не изъ чистыхъ. И однако этотъ малограмотный человѣкъ, воплощенное безза-

коніе, выступилъ на тронѣ, какъ замѣчательный законодатель. Гдѣ тайна такой метаморфозы? Можно думать, что источникомъ большей части перемѣнъ въ характерѣ и образѣ дѣйствій Василія была власть, съ такимъ трудомъ, съ такими жертвами и позоромъ имъ достигнутая. Заплативъ за это сокровище цѣною униженій и пресмыкательства предъ Михаиломъ, разореніемъ и оскверненіемъ своего семейнаго гнѣзда, Василій долженъ былъ всѣ силы своего изворотливаго практическаго ума сосредоточить на храненіи и упроченіи своего новаго приобрѣтенія. Онъ долженъ былъ смотрѣть во всѣ стороны, чутко прислушиваться въ разныхъ направленіяхъ къ запросамъ и нуждамъ народа. Только путемъ скорого ихъ удовлетворенія онъ могъ разсчитывать утвердить на тронѣ свою династію. Самъ онъ, можетъ быть, не имѣлъ склонности и способностей дѣлать то, что сдѣлано въ его царствованіе, но онъ все-таки дѣлалъ все это при помощи другихъ. Много фактовъ говоритъ за такое пониманіе поведенія Василія. Такъ онъ высоко цѣнитъ Фотія и въ тоже время при своемъ вступленіи на престолъ жертвуетъ имъ, чтобы нѣсколько успокоить сильную и вліятельную въ это время партію Игнатія. Будучи малограмотнымъ, онъ является однако покровителемъ просвѣщенія и воспятанію своихъ дѣтей поручаетъ ученѣйшему человѣку того времени Фотію. Онъ, по видимому, не былъ храбрымъ и способнымъ полководцемъ, но заботился о войскѣхъ и флотѣхъ и во главѣ ихъ съ умѣлъ поставить достойныхъ людей. Онъ убилъ императора Михаила, а потомъ началъ строить храмы въ честь архангела Михаила и святыхъ, а также разные приюты. Онъ цѣнилъ то направленіе права, какое видѣлъ въ трудахъ Исаврійцевъ, слѣдовалъ даже отчасти ему и въ тоже время бранилъ ихъ Эклогу въ угоду модному настроенію общества. — Таковъ былъ Василій. Для роли законодателя ему многого недоставало, и однако онъ сдѣлался законодателемъ, благодаря той чуткости, съ которою прислушивался къ общественному мнѣнію: это былъ флюгеръ и очень чувствительный флюгеръ.

Законодательныя работы Василія продолжалъ сынъ его Левъ Мудрый или Философъ. Если бы мы не знали, что прослыть за философа въ то время было не очень трудно, то можно было бы думать, что этотъ пышный эпитетъ данъ

былъ Льву въ насмѣшку. Вся его мудрость состояла въ томъ, что онъ много изводилъ чернилъ и пергамента. Подъ руководствомъ знаменитаго Фотія онъ изучалъ, по видимому, очень многое, но образованіе ни затронуло его сердца, ни возбудило его ума; оно сдѣлало изъ него только лигертурнаго франта. Несомнѣнно, Василій не хотѣлъ, чтобы его преемникъ краснѣлъ за свое невѣжество, какъ краснѣлъ онъ самъ; онъ сдѣлалъ все возможное для этого, но, по видимому, переусердствовалъ: изъ Льва вышелъ писатель, но не императоръ. Всѣ тѣ хорошія черты энергичнаго царя, какими обладалъ самъ Василій, не перешли къ его сыну. Въ то время, когда многіе города имперіи разрушались разными врагами, царь находилъ возможнымъ составлять поученія и церковныя пѣсни; когда его войска терпѣли пораженія, онъ сочинялъ свою тактику. Онъ издавалъ мудрые законы, чтобы имѣть возможность первому ихъ нарушать. Такъ, своимъ подданнымъ онъ разрѣшилъ третій бракъ подъ условіемъ церковной эпитиміи, а самъ женился четыре раза. Онъ писалъ стихи въ честь своего учителя Фотія и не задумался лишить его каюедры, чтобы возвестъ на нее 16-ти лѣтняго брата Стефана. Изъ этихъ немногихъ примѣровъ видно, что Левъ не обладалъ и тѣмъ единственнымъ качествомъ, которое сдѣлало законодателя изъ его отца, — умѣньемъ слушать то, что говорятъ и думаютъ кругомъ. Но за то у него была другая способность, позволившая ему продолжать работу отца, — желаніе писать и наставлять, желаніе, находившее удовлетвореніе между прочимъ и въ составленіи законовъ и повелѣть.

Общій ходъ законодательныхъ работъ при Василіѣ Македонянинѣ представляется въ слѣдующемъ видѣ. Соответственно главной нуждѣ, вызвавшей эти работы, Василій предпринялъ „ревизию древнихъ законовъ“ — *Ἀναθεώρησις τῶν παλαιῶν νόμων*, т. е. собраніе всего того, что еще оставалось въ силѣ отъ Юстиніанова законодательства. Но такъ какъ эта „ревизія“ требовала очень много труда и времени, а нужда въ законодательномъ сборникѣ была между тѣмъ неотложная, то Василій прежде „ревизиі“ въ 870-мъ году обнародовалъ *Πρόχειρος νόμος* — ручную книгу законовъ для ежедневнаго обращенія въ судебныхъ мѣстахъ. Въ 884-мъ году появилась, наконецъ, „ревизія“, а въ 885-мъ году —

второе изданіе Прохирона, измѣненное и дополненное на основаніи „ревізій“ и извѣстное подъ именемъ Эпанагоги. Первымъ по времени изъ этихъ сборниковъ былъ такимъ образомъ Прохиронъ. Ему же принадлежитъ первое мѣсто среди нихъ и по значенію. Съ него начинается новая эпоха въ исторіи византійскаго законодательства. Всѣ дальнѣйшіе труды законодательнаго характера были развитіемъ и пополненіемъ началъ, возвѣщенныхъ въ Прохиронѣ. Безчисленное количество его рукописей свидѣтельствуетъ, что предъ паденіемъ имперіи онъ былъ въ такой же силѣ, какъ и при своемъ появленіи. Туже судьбу имѣла и Эпанагога, вѣроятно, потому, что ея содержаніе почти совпадаетъ съ содержаніемъ Прохирона. Разница между этими сборниками весьма незначительна и состоитъ 1) въ томъ, что сорокъ титуловъ Эпанагоги расположены не въ томъ порядкѣ, какъ въ Прохиронѣ, а какъ въ „ревізій“; 2) въ томъ, что особено въ началѣ Эпанагоги сдѣланы нѣкоторыя добавленія изъ новеллъ Василія и Юстиніана преимущественно общаго характера—объ императорѣ, патріархѣ, о законѣ и справедливости, о нелицепріятномъ судѣ и пр.

Историческая судьба Прохирона и Эпанагоги уже сама по себѣ указываетъ на то, что эти сборники какъ разъ отвѣтили на тотъ запросъ, который былъ предъявленъ жизни византійскаго общества къ Македонской династіи. Мы видѣли, какъ назрѣлъ этотъ запросъ; теперь посмотримъ, какъ онъ былъ удовлетворенъ въ разсматриваемыхъ памятникахъ.

1) Прохиронъ и Эпанагога объединяли дѣйствующее право, прежде разбросанное по многимъ сводамъ, дѣлали знакомство съ нимъ доступнымъ всякому и не приводили судей и тяжущіяся стороны въ положеніе, изъ котораго прежде могло не быть выхода.

2) При изданіи Прохирона и Эпанагоги въ основаніе былъ положенъ текстъ не подлинныхъ сборниковъ Юстиніана, а—комментаріевъ къ нимъ, точнѣе: институты, дигесты, новеллы и кодексъ имѣлись въ виду въ одномъ толкованіи на каждый изъ этихъ сводовъ, чѣмъ должны были устраняться изъ юридической практики коллизіи между нѣсколькими толкованіями одного и тогоже закона.

3) И въ Прохиронѣ и въ Эпанагогѣ латинскіе юриди-

ческие термины комментаріевъ были переведены на греческій языкъ.

4) Какъ сказано ранѣе, со времени Юстиніана до 9-го вѣка успѣли развиться новыя отношенія, которыя не вкладывались въ рамки прежняго законодательства. Въ Прохиронѣ и Эпанагогѣ мы находимъ по этому съ одной стороны совершенно новыя постановленія, взятые изъ новеллъ Василія, а съ другой, — заимствованія изъ эклоги Исаврійцевъ, которая была, какъ говорено, составлена на тему пуждъ дѣйствительной жизни.

Таковы главные заслуги, оказанныя законодательству имперіи Василіемъ Македоняниномъ. Его работы были такъ хорошо приняты жизнью, что имѣли силу гораздо дольше законодательныхъ работъ Юстиніана.

Меньшее значеніе имѣла „ревізія древнихъ законовъ“, изданная Василіемъ въ 884 г., но и она имѣла твердыя права на появленіе. Прохиронъ и Эпанагога при всѣхъ своихъ достоинствахъ имѣли и одинъ недостатокъ — краткость, а отсюда и неполноту по нѣкоторымъ сложнымъ и запутаннымъ вопросамъ юридической практики. Этотъ недостатокъ восполнялся „ревізіей древнихъ законовъ“, представлявшей собою сводъ всего сохранившагося въ силѣ Юстиніанова права, притомъ сводъ, сдѣланный на основаніи не подлинныхъ сборниковъ, а — ихъ комментаріевъ, съ переводомъ, какъ въ прохиронѣ, латинскихъ терминовъ на греческій языкъ. Пользованіе этимъ сводомъ въ виду того, что Прохиронъ и особенно Эпанагога были въ большей части своей только сокращеніями его, представляло чрезвычайно много удобствъ.

Историческая судьба „ревізія древнихъ законовъ“ чрезвычайно загадочна. Уже спустя 30 лѣтъ послѣ ея появленія о ней не упоминаютъ византійскіе юристы. Ее вытѣснила изъ употребленія подобная же ревізія законовъ, обнародованная въ правленіе Льва Мудраго и извѣстная подъ названіемъ Василикъ. Василики по мысли Льва должны были играть ту же роль, какая предназначалась и для „ревізіи“ Василія. Отъ этой послѣдней Василики отличались во-первыхъ количествомъ титуловъ, которыхъ здѣсь было 60, а въ „ревізіи“ Василія 40, а отсюда и нѣсколько большею полнотою, и во-вторыхъ — порядкомъ титуловъ.

Разница, какъ видно, не большая. Сходство же между этими двумя сборниками разительное. Полагаютъ, что „ревізія“ Василія цѣликомъ вошла въ Василики. Даже мысль о дѣленіи на 60 титуловъ принадлежитъ правленію Василія. Только при предположеніи, что Василики были дополненнымъ переизданіемъ „ревізіи“ Василія, становится понятнымъ быстрое появленіе въ свѣтъ этого громаднаго сборника: чрезъ два года послѣ вступленія Льва на престолъ въ 888 или 889-мъ году. Отсюда честь труда надъ Василиками можно изъ правленія Льва перенести на правленіе Василія. Левъ едва-ли рѣшился бы на подобную работу и едва-ли имѣлъ бы достаточно терпѣнія довести ее до конца.

Собственно на долю Льва досталась другая болѣе легкая задача, чѣмъ какая стояла предъ Василіемъ. Василики, какъ ни было велико ихъ значеніе, не захватывали нѣкоторыхъ явленій жизни. Понять эти явленія и поставить ихъ подъ законъ досталось на долю Льва. II Левъ, дѣйствительно, издалъ множество узаконеній, изъ которыхъ самъ составилъ сборникъ изъ 113 повелѣй. Но, повидимому, этотъ императоръ и въ данномъ случаѣ, какъ и во всей своей литературной дѣятельности, не стоялъ на высотѣ своего призванія. Его повелѣя имѣли весьма небольшое значеніе. Издавна существовало мнѣніе, что всѣ онѣ потеряли силу уже въ его правленіе. Левъ думалъ сослѣзаться съ Юстиніаномъ и опустилъ въ Василикахъ многія постановленія изъ прежнихъ сборниковъ, которыя перерѣшилъ въ своихъ повелѣяхъ. Но жизнь стала на сторону Юстиніана: выпущенныя въ Василикахъ его постановленія были потомъ внесены въ нихъ позднѣйшими юристами, предпочитавшими, очевидно, старыя узаконенія новымъ. Этого мало: Левъ иногда покушался на замѣну правилъ вселенскихъ соборовъ и апостольскихъ своими измышленіями. Легко понять, что подобная замѣна не могла существовать долго. Вездѣ этотъ императоръ оставался себѣ равнымъ. Въ своихъ повелѣяхъ Левъ постоянно цитируетъ Св. Писаніе, святоотческія и соборныя опредѣленія и гражданскіе кодексы, всюду выдвигаетъ свою богословскую и юридическую начитанность и тѣмъ подкупаетъ читателя въ свою пользу. Но содержаніе повелѣй скоро заставляетъ забывать объ этомъ виѣшнемъ

блескъ. Левъ напр. весьма серьезно разсуждаетъ о томъ, что „въ дѣлахъ гражданскихъ полезнѣе законы гражданскіе, а въ дѣлахъ духовныхъ, для благоустроенія ихъ, полезнѣе священныя постановленія“, и въ тоже время съ тою же серьезностію начинать рѣшать вопросы о томъ, можно-ли причащать родильницу до сорока дней, когда нужно крестить дѣтей и пр. Такой характеръ законодательной дѣятельности Льва вынуждаетъ даже ученыхъ, защищающихъ его, признать, что значеніе его новеллъ по содержанію не велико, что вліянія на главнѣйшія начала права онѣ не оказали никакого, и что весь ихъ смыслъ заключается въ ихъ дополнительномъ отношеніи къ Василикамъ. Византійское общество если и было обязано благодарностію Льву, то только за изданіе послѣднихъ.

Литературное оживленіе въ правленіе Македонской династии падаетъ главнымъ образомъ на царствованіе Константина Порфирогенита. Говоримъ — *главнымъ образомъ*, потому что причины этого оживленія, о которыхъ уже говорилось, начали свое дѣйствіе раньше Константина, даже раньше вообще Македонской династии. Послѣдняя только усилила это оживленіе, а не создала его. Уже въ царствованіе Теофила мы видимъ кружокъ ученыхъ при дворѣ съ Іоанномъ Грамматикомъ и Львомъ Философомъ во главѣ. Въ это же самое время обучается юноша, изъ котораго потомъ выйдетъ знаменитый Фотій. Братъ императрицы Оеодоры кесарь Варда основалъ въ Магнаврскомъ дворцѣ высшую школу, пѣчто въ родѣ университета, въ которой преподавались преимущественно свѣтскія науки. Питомцы этой школы всячески поощрялись Вардою, который лично наблюдалъ и за учителями и за учениками. Насколько извѣстенъ Варда въ исторіи, въ немъ трудно предполагать искренняго ревнителя просвѣщенія. Повидимому, онъ дѣйствовалъ въ данномъ случаѣ по тѣмъ же побужденіямъ, по какимъ Василиій выступилъ въ роли законодателя, будучи плохимъ юристомъ, т. е. искалъ этимъ путемъ популярности. Легко представить, какъ общество жаждало книгъ и желало учиться, если на этомъ желаніи воздвигались цѣлыя политическіе планы.—При императорахъ Василиѣ и Львѣ Магнаврская школа, повидимому уже не пользовалась такимъ вниманіемъ правительства, какъ при Вардѣ,

такъ какъ правленіе ихъ было занято законодательными работами. Въ частности Левъ Мудрый былъ слишкомъ увлеченъ собственною литературною дѣятельностію, чтобы придавать значеніе работамъ другихъ. Но хотя Левъ мало сдѣлалъ для просвѣщенія, онъ съ своими безплодными и обильными литературными трудами представляетъ собою очень любопытное явленіе. Царствованіе его было одно изъ самыхъ несчастныхъ: все оно наполнено пораженіями вовнѣ и волненіями внутри. И однако современники и потомки простили Льву отсутствіе военныхъ и административныхъ способностей за то только, что онъ много и красно писалъ. Вотъ еще одно доказательство того, какъ тогдашнее общество высоко ставило книгу и какъ сильно нуждалось въ ней.

Но обратимся къ правленію Константина Порфирогенита... Какія качества помогли этому государю стать во главѣ литературнаго движенія его царствованія и тѣмъ отвѣтить на одинъ изъ важнѣйшихъ запросовъ вародной жизни? Въ натурѣ Константина счастливо собралось все, что было хорошаго у Василія и Льва. Онъ походилъ на нихъ обоихъ. Чуждый непостоянства отца, онъ унаслѣдовалъ уравновѣшенный характеръ дѣда. Зато по своему образованію онъ стоялъ ближе къ первому, чѣмъ къ послѣднему. Въ своей правительственной дѣятельности Константинъ не былъ такъ энергиченъ, какъ Василій, но и не былъ только литераторомъ, какъ Левъ. Получивъ отъ дѣда способность прислушиваться къ народнымъ нуждамъ, онъ успѣлъ много сдѣлать для имперіи, не смотря на свою сильную склонность сидѣть за книгами. Онъ самъ не былъ хорошимъ полководцемъ, но искалъ и находилъ людей, которые не безъ чести водили войска на поля битвъ. Онъ не былъ хорошимъ морякомъ, но почти вновь создалъ военный флотъ, по выраженію лѣтописца, „самъ указывалъ, какъ слѣдуетъ строить военные корабли, изъ какого дерева нужно дѣлать палубу, изъ какой прочія части, какихъ размѣровъ должно быть то и другое“. Человѣкъ кабинета по преимуществу, Константинъ однако не тяготился просьбами и жалобами, съ которыми къ нему обращались обиженные. „Слѣдствіемъ этого было то, говорить лѣтописецъ, что люди, живущіе неправедно, приходили въ страхъ при одномъ имени суда, царскаго.

Выгодно отличаясь отъ отца, какъ государь, Константинъ и въ своей просвѣдательной дѣятельности не подражалъ ему. Левъ писалъ на темы, которыя задавались ему тщеславіемъ и незнаніемъ жизни; Константинъ бралъ эти темы для себя и для своихъ сподвижниковъ у пародной любознательности. Константинъ и въ этомъ случаѣ былъ практичнѣе своего отца. Сдѣлавшись единодержавнымъ, онъ прежде всего старается поднять Магнаврскую школу, процвѣтавшую при Вардѣ и упавшую въ послѣдующія царствованія, особенно при Романѣ. Будемъ говорить словами лѣтописца. „Многія въ государствѣ нашемъ прекрасныя и достойныя похвалы были знанія, многія свободныя искусства и науки; все это, не знаю почему, пришло въ небреженіе и упадокъ. Что же придумалъ, спрашивается, философски образованный умъ его?... Императоръ избралъ наилучшихъ преподавателей: философскую школу поручилъ протоспаарію Константину, который вмѣстѣ былъ и мистикомъ; надъ школою риторовъ поставилъ Пикейскаго митрополита Александра; надъ геометрическою—патриція Никифора; надъ астрономическою—Григорія секретаря. Много прилагалъ самодержецъ заботъ о посѣщающихъ школы, ежедневно допуская ихъ до бесѣды съ собою и сажая за свой столъ; давалъ имъ деньги и ласково разговаривалъ съ ними. Темного прошло времени, какъ вышеназванныя великія знанія и искусства, благодаря заботливости и вниманію императора, получили надлежащее направленіе. Онъ удостоивалъ выбирать изъ учившихся въ судьи, секретари и митрополиты; такъ римское государство украсилось премудростію. Онъ болѣе воздавалъ почета добродѣтели и знанію, чѣмъ всѣ его предшественники. Если онъ замѣчалъ въ комъ-либо образованіе, того повышалъ, возводилъ на болѣе значительное мѣсто“. Это послѣднее обстоятельство могло создать Константину не мало враговъ среди лицъ родовитыхъ, но не хотѣвшихъ учиться. Въ Византіи всѣ важныя должности занимала аристократія. Константинъ съ своими взглядами естественно нерѣдко долженъ былъ обходить ее въ пользу лицъ съ плебейскою кровью. „Отсюда и произошло, жалуется другой историкъ, враждебный Константину, что всякій худой (*χυδαῖος*—худородный) человѣкъ и ничтожный сталъ достигать первыхъ мѣстъ въ государ-

ствѣ“. Желая обвинить Константина, лѣтописецъ сказалъ ему лучшую похвалу. Правда, для объясненія поведения царя этотъ историкъ прибѣгаетъ къ догадкѣ, что все дѣлалось за деньги. Но мы можемъ такую догадку считать клеветою: если-бы Константинъ хотѣлъ денегъ, то прямой расчетъ для него былъ раздавать должности прежде всего людямъ богатымъ и родовитымъ, а не худымъ съ худыми карманами.—Бросивъ грязью въ Константина, лѣтописецъ спѣшитъ смыть ее похвалами. Онъ говоритъ: „однако Константинъ не былъ совершенно чуждъ похвальныхъ дѣяній; я приведу здѣсь одно, по истинѣ достойное удивленія, которое мсжетъ затмить и вознаградить многіе его недостатки. Онъ старался возстановить науки — ариеметику, музыку, астрономію, геометрію, стереометрію и высшую надъ всѣми— философію; всѣ онѣ давно уже, по небрежности и невѣжеству прежнихъ императоровъ, пришли въ совершенный упадокъ. Константинъ отыскивалъ и находилъ отличныхъ и свѣдущихъ людей въ каждой изъ этихъ наукъ, назначалъ ихъ учителями, покровительствовалъ и собиралъ всѣхъ, желающихъ учиться. Вслѣдствіе этого въ столицѣ въ короткое время исчезло невѣжество (*ἀλογία*), и она снова процвѣла просвѣщеніемъ. Заботился онъ также и о ремеслахъ и рукодѣліяхъ, успѣвъ довести ихъ до великаго совершенства“.—Эти отзывы объ отношеніи Константина къ учащему и учащемуся персоналу Магнаврской школы въ комментарий не нуждаются. При такихъ условіяхъ школа дѣйствительно могла только процвѣтать и должна была дѣлать выпуски отлично образованныхъ молодыхъ людей.

Но само собою разумѣется, что меценатство Константина могло поддерживать желаніе трудиться на поприщѣ науки не только у питомцевъ Магнаврской школы, оно естественно будило и другихъ талантливыхъ лицъ и звало ихъ на полезный трудъ. Изъ такихъ лицъ и образовалась плеяда литературныхъ дѣятелей, вмѣстѣ съ Константиномъ взявшихъ на себя задачу удовлетворить тѣмъ запросамъ народной любознательности, о которыхъ говорилось раньше.— Литературныя работы самого Константина были адресованы собственно не публикѣ, а его наслѣднику сыну. Но это не помѣшало имъ интересовать общество. Труды эти извѣстны больше, подъ латинскими названіями: *Vita Basilii*, *De cere-*

monii aulac, De thematibus et De administrando imperio ¹⁾).

Vita Basilii—описание царствованія Василия составляет 5-ю книгу известной лѣтописи—„продолженія Теофана“—(Theophanis continuati) и имѣетъ панигерическій характеръ. Желаніе увѣковѣчить и украсить дѣянія Василия понятно со стороны Константина: Василій былъ основателемъ династии; его заслуги должны были изъ прошлаго поддерживать и украшать тронъ, который занимали его потомки.—Сочиненіе De ceremoniis aulac—обрядникъ византійскаго двора—въ теперешнемъ своемъ видѣ чрезвычайно интерполировано. Цѣль его написанія была чрезвычайно важная при тогдашнихъ обстоятельствахъ. Константинъ полагалъ, что для того, чтобы быть настоящимъ ромейскимъ императоромъ, нужно было свято хранить отцовскія преданія, обряды и церемоніи, освященные временемъ и обычаемъ, съ цѣлью поддерживать силу очарованія, какое производила Византія на младенчествующіе умы варварскихъ народовъ.—Сочиненіе о ѿемахъ даетъ разныя историческія и географическія справки объ областяхъ имперіи и ихъ населеніи.—Въ трактатѣ „объ управленіи имперіей“ Константинъ дѣлаетъ наставленія сыну о томъ, „какой народъ въ чемъ можетъ быть полезенъ Ромеямъ и въ чемъ—причинять имъ вредъ; какъ живутъ разные народы и съ помощію какого народа можно угрожать войною другому народу или покорить его“ и т. д.;—это, однимъ словомъ, политическое завѣщаніе отца сыну, собраніе политическихъ уроковъ, выученныхъ Константиномъ и его предшественниками.

Откладывая пока замѣчанія о характерѣ литературныхъ работъ Константина, обратимся къ перечисленію главныхъ произведеній, которыя составлялись въ его царствованіе и подъ его покровительствомъ. Во главѣ этихъ произведеній должны быть поставлены труды историческіе: хроники Генезія и продолжателя Теофана и огромная историческая компиляція въ 53-хъ книгахъ. Сюда же можно отнести не менѣе колоссальное предпріятіе Симеона Метафраста, отъ

¹⁾ Константину приписывается много и другихъ сочиненій, но они или не принадлежатъ ему или принадлежатъ только какъ издателю или интерполатору.

котораго уцѣлѣло больше 120 житій святыхъ.—Труды Генезія и продолжателя Теофана обнимаютъ 8-й и 9-й вѣка. Компіляція же въ 53-хъ книгахъ представляла собою колоссальную хрестоматію преимущественно историческаго, а также военнаго и политическаго содержанія. Сохранились и изданы изъ этой компіляціи только отдѣльныя части ея. О значеніи этой работы можно судить уже потому, что многіе отрывки древнихъ и средневѣковыхъ греческихъ историковъ и другихъ авторовъ дошли до насъ въ томъ только видѣ, какъ они помѣщались въ компіляціи. Напр. изъ 40 книгъ исторіи Поливія 35—сохранились только въ выдержкахъ разбираемой хрестоматіи. Сколько рукъ должна была занять подобная работа, сколько нужно было для нея книгъ и времени, объ этомъ догадаться нетрудно.—Такіе же колоссальные размѣры имѣлъ и трудъ Симеона Метафраста. Очень богатый, Симеонъ собиралъ и скупалъ манускрипты всѣхъ временъ и всѣхъ странъ: выписывалъ ихъ изъ Венеціи, съ Аеона, изъ Египта и т. д.; масса лицъ занималась переводомъ житій съ языковъ коптскаго, сирскаго, еврейскаго, армянскаго, арабскаго, германскаго, латинскаго—со всѣхъ языковъ Востока и Запада. Уже Левъ Алляцій насчиталъ 122 житія изъ собранія Метафраста.—Въ числѣ научныхъ трудовъ Константинова царствованія можно помѣтить: геопопику, (можетъ быть) гиппіатрику, лѣчебникъ Теофана Нонна, книгу о діэтѣ, золотую книгу о лихорадкахъ, астрономію и пр.

Изъ сдѣланнаго перечня трудовъ Константинова правленія можно видѣть, что преобладающій характеръ ихъ историческій. Не говоря уже о компіляціи въ 53-хъ книгахъ и житіяхъ Метафраста, даже такіе труды, какъ о еемахъ и объ управленіи имперіей, имѣютъ преимущественно историческій интересъ. Это обстоятельство какъ нельзя болѣе подтверждаетъ высказанныя раньше соображенія о томъ, что литературное движеніе 10-го вѣка имѣло цѣлью удовлетворить запросамъ любознательности, проснувшейся къ этому времени въ широкихъ кругахъ населенія имперіи. Историческія сочиненія свѣтскаго и религіознаго характера всего лучше могли достигнуть этой цѣли, на нихъ поэтому и было всего болѣе обращено вниманія въ правленіе Константина.

Если теперь спросить, каково же было достоинство литературных трудов Константинова царствованія, то нѣсколько приподнятый тонъ, въ какомъ справедливо говорить о Константинѣ, какъ ревнителѣ просвѣщенія, слѣдуетъ понизить. Съ внѣшней стороны вся письменность этого времени носить компилятивный характеръ. Въ отношеніи къ большей части ся, именно исторической, это является конечно, достоинствомъ: во всякомъ случаѣ для насъ, какъ и для тогдашней публики, гораздо поучительнѣе читать подлинныя выписки изъ древнихъ авторовъ, чѣмъ переработки этихъ авторовъ въ худшую сторону. Но во многихъ случаяхъ привычка къ компилятивной работѣ давала плачевные плоды. Напр. сочиненіе о еемахъ своимъ заглавіемъ возбуждаетъ надежду найти въ немъ статистическое и этнографическое описаніе имперіи 10-го вѣка, а между тѣмъ мы часто видимъ здѣсь собраніе странныхъ свѣдѣній, напр. характеристики жителей разныхъ провинцій на подобіе тѣхъ, какія можно читать въ нашихъ лубочныхъ изданіяхъ. Сочиненія научнаго характера, какъ геопоника, гиппіатрикъ и др., также изобилуютъ выписками совѣтовъ большею частью съ ребяческимъ содержаніемъ. Въ геопоникѣ напр. дается слѣдующее наставленіе: чтобы много пить и не быть пьянымъ, нужно закусывать жаренымъ козьимъ легкимъ.

Подобныхъ премудростей можно не мало отыскать въ произведеніяхъ разсматриваемаго времени. Но опираться въ оцѣнкѣ этихъ произведеній на нѣкоторыя странности ихъ содержанія было бы несправедливо. Для 10-го вѣка онѣ не были странностями. Единственно законная мѣрка въ данномъ случаѣ только та, которая показываетъ, являлось-ли предложеніе въ отвѣтъ на спросъ со стороны тогдашняго общества или оно было простою забавою высокопоставленныхъ, богатыхъ и праздныхъ людей. Не признавая послѣдняго, мы тѣмъ самымъ обязываемся съ уваженіемъ смотреть на работу императора Константина и его литературныхъ сподвижниковъ. Эта работа не повторялась уже потомъ и читалась византійскимъ обществомъ очень усердно и очень долго. Кто интересуется судьбами Византіи, тотъ читаетъ эту работу и теперь и не разъ вынуждается помануть добрымъ словомъ царя-просвѣтителя.

И. Андреевъ.
